

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЧТО ПИШУТ?

Зинаида Гиппиус

Что пишут?

«Public Domain»

1912

Гиппиус З. Н.

Что пишут? / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1912

«Жалуются на „литературный неурожай“ нынешнего года. Это неверно. Книг столько же, сколько всегда, если не больше. Как всегда – мало интересных или замечательных, но ведь это – явление обычное. Наши „признанные“ тоже не замолкли: и Куприн, и Андреев, и Арцыбашев, – все, они продолжают... как это говорится?.. дарить нас плодами своего творчества. Что-то давно не видно Сологуба: конец его „Навях чар“ еще не напечатан...»

Зинаида Гиппиус Что пишут?

Ищущие Бога. – Мечты о жизни и мечты о смерти. – Мистика Л. Андреева («Сашика Жегулев»). – Ремизовская «свечечка».

Жалуются на «литературный неурожай» нынешнего года. Это неверно. Книг столько же, сколько всегда, если не больше. Как всегда – мало интересных или замечательных, но ведь это – явление обычное. Наши «признанные» тоже не замолкли: и Куприн, и Андреев, и Арцыбашев, – все, они продолжают... как это говорится?.. дарить нас плодами своего творчества. Что-то давно не видно Сологуба: конец его «Навях чар» еще не напечатан.

Но до знаменитостей я дойду, а сначала упомяну о двух книжках писателей малознаменитых, совсем разных (один даже не беллетрист) и по-разному меня интересующих.

Одна книга – А. Панкратова «Ищущие Бога». Это уже второй том. Как жаль, что вопросы, имеющими громадную важность в деле изучения современной России, занимаются писатели-репортеры, писатели с крайне ограниченными данными, – вроде А. Панкратова, Бонч-Бруевича и т. д. Сколько бы такой писатель ни наблюдал, сколько бы он даже ни знал, – он не способен быть тут полезным. Если он знает, то как раз то, что неинтересно; если наблюдает, то бессильно, поверхностно. Г. Панкратов берется за «религиозные» очерки вовсе не потому, чтобы тема эта его особенно интересовала, а так: лежит она праздной, можно и взять. Исполняя репортерские свои обязанности, г. Панкратов был, вместе с другими корреспондентами, от «Колокола» и «Нов. Времени», в киевском театре 1 сентября. И на страницах «Исторического Вестника» он описывает тамошнее происшествие с гораздо большей живостью и воодушевлением, нежели совершенно непроницаемых для него – психологически – сектантов или старообрядцев. А попытка некоторого исторического исследования («Отец Матфей, духовник Н. В. Гоголя») кончилась для г. Панкратова уже совершенной неудачей; напрасно было и ездить (по репортерской привычке) в Ржев, место последнего пребывания о. Матфея. Мы ровно ничего нового не узнали от г. Панкратова об этом замечательном пастыре. Мы даже не знаем, что думает о нем г. Панкратов, да, кажется, он и сам этого не знает. Только твердит: о. Матфей совсем не то, что о нем писали. Что же, если не то и не это? Г. Панкратов не отвечает и, путаясь (сам чувствуя, кажется, что путается), обнаруживает крайнюю неопределенность взглядов на церковь, на православие, полное смешение понятий. Чтобы не только проникнуть в психологию отношений Гоголя и о. Матфея, но даже чтобы подойти к ней, требуются качества иного сорта, а подвижности репортера, едущего в Ржев и опрашивающего столетнюю старуху, недостаточно.

Любопытнее других в книге г. Панкратова очерк «Николай Толстой». Любопытен внешне; по странности приключений этого злополучного униатского священника и по некоторым сведениям, которые он дает о жизни Вл. Соловьева. Известно, что именно Н. Толстой присоединил Соловьева к униатству. Мы узнаем, кроме того, что в Твери и в Нижнем Новгороде были в 1898 г. съезды последователей соловьевской идеи соединения церквей, в Н. Новгороде даже с первым соборным служением. Сан греко-католического епископства в Твери был предложен В. С. Соловьеву. Он ответил: «Я не добивался епископства, но если Богу угодно и римский престол найдет это нужным – не откажусь».

Приключения же самого Толстого прямо сказочны. Он раз даже был «почти» съеден на Алеутских островах. «Почти» – в том смысле, что при нем дикари съели другого миссионера.

Вот о приключениях и дикарях г. Панкратов рассказывает бойко. Он, конечно, может сказать, что его сфера – объективное наблюдение, что он, по Достоевскому, «любит жизнь прежде смысла ее»; прежде – это ничего; но хоть после – смысл все же требуется. А кроме того, есть жизненные явления, брать которые вне их смысла нет никакой возможности: они лиша-

ются самой жизни под бессмысленно наблюдающим взором. Таковы явления религиозно-жизненные. И они умирают в руках гг. Панкратовых и Боич-Бруевичей, которые упорно подходят к ним без «смысла».

Но Бог с ними, с Панкратовыми. Займемся беллетристикой. Вот книга Н. Крашенинникова «Мечты о жизни». Я ее одну выбираю из кучи других новых книг не потому, что она особенно хороша или замечательна, а просто потому, что это книга смутная, мутная, легкая, слабая, тонкая, что автор ее до последней степени не определился, а следовательно, дает нам возможность надеяться на что угодно, делать всякие предположения. Хотя странно, что он до сих пор не определился: столько книг издал, книг, должно быть, семь или восемь. И все не одинаково написаны, разной манерой, различным языком. Все они, впрочем, дают ощущение какой-то беспомощной слабости, точно слишком короткого дыхания. «Мечты о жизни» – необыкновенно удачное заглавие. Ни капли «жизни» нет в этой книге, а только «мечты», чуть слышный вздох о жизни. Рассказики без концов, да и без начал, – паутинные намеки, тихий, робкий шепот. Главное – робкий. Вряд ли автор будет когда-нибудь «знаменит», даже если выработается, определится в положительную сторону (а ведь и это – будет ли еще?); у нас теперь знаменитость берется «дерзанием», в большинстве случаев даже только им одним. Само по себе «дерзание» – вещь прекрасная, но в последние времена так оно утомило, так надоело, так часто обманывало, что уже нет к «дерзающим» никакого доверия; робость г. Крашенинникова милее, ближе и надежд больше возбуждает. Но, конечно, если эта робость, неуверенность, неустойчивость – коренные свойства писателя, – дело плохо. И нужно сказать правду; определенного роста в г. Крашенинникове пока не замечается. «Мечты о жизни» – как бы эскизы, заметки, наброски отдельных глав для будущей работы. Г. Крашенинников и воспользовался ими в своем романе «Барышни» («Русская Мысль»): там есть глава (может быть, и не одна), которая в книге «Мечты о жизни» напечатана отдельным рассказом. Однако роман «Барышни», хотя это и большая вещь, написан так же эскизно, отрывочно и робко, как «Мечты». Так же, подчас, нежно, тонко, – но это опять не жизнь, это бессильные мечтания о жизни; та же вялость неокрепшего стебля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.